

**ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКИ
БЕЗОПАСНОСТИ ФРГ В ЭРУ
Г.ШМИДТА**

УДК 327(430)
ББК 66.4(46)301
С84

Рецензент: доцент Левкович А.И.,
кандидат философских наук;
Ответственный редактор: доцент Корнев П.И.,
кандидат исторических наук.

СТРЕЛЕЦ М.В.
С 84 ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКИ
БЕЗОПАСНОСТИ ФРГ В ЭРУ Г.ШМИДТА— Брест: Издательство
С.Лаврова, 1997. — 28 с.

ISBN 985-6368-43-7

В настоящей научной брошюре показываются приоритеты внешней политики и политики безопасности ФРГ во второй период правления социал-либеральной коалиции (1974-1982г.г.). Вводя в научный оборот ряд новых документов и материалов, автор вносит коррективы в прежние выводы и оценки.

Издание рассчитано на историков, политологов, специалистов-международников.

ББК 66.4(46)301

ISBN 985-6368-43-7

©Стрелец М.В., 1997

ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ ФРГ В ЭРУ Г.ШМИДТА

Предмет нашего исследования - политика безопасности Фидеративной Республики Германия в середине 70-ых - начале 80-ых годов. 21 октября 1969 года стартовала социал-либеральная коалиция, правившая Федеративной Республикой Германия до 1 октября 1982 года. В ее состав входили социал-демократы и либералы. Председатель СДПГ В.Брандт занял пост федерального канцлера. Лидер СвДП В.Шеель возглавил внешнеполитическое ведомство, одновременно являясь вице-канцлером. С точки зрения влияния внутренних и внешних факторов на формирование внешней политики и политики безопасности ФРГ можно выделить два этапа в их развитии: до середины 70-х годов и с середины 70-х годов. Вполне логично, что изменение данных факторов предопределяло внесение корректив в курс федерального правительства.

В мае 1974 года Вилли Брандт вынужден был покинуть капитанский мостик, что означало окончание первого этапа политики безопасности социал-либеральной коалиции. Второй этап политики безопасности федерального правительства начался приблизительно с середины 1970-х годов. Назовем важнейшие факторы, определившие курс федерального правительства на данном этапе:

- усиление антиразрядочных тенденций в политике СССР;
- избрание одного из лидеров социал-демократии Г.Шмидта канцлером ФРГ, возрастание влияния наиболее реалистической группировки в СДПГ «Каналь-арбайтер»;
- существенные изменения в руководстве партии либералов, усиление влияния группировки во главе с Г.-Д.Геншером и О.Ламбсдорфом, оказавшейся на высоте поставленных задач;
- европеизация ядерного риска в связи с начавшимся в конце 70-х годов ракетным кризисом.

Имея ввиду значительную роль Шмидта в формировании политики партии и правительства, следует особо остановиться на концепции безопасности этого деятеля. Г.Шмидт понимал под стратегией «комплекс частично одновременных, частично следующих друг за другом политических решений, которые совместно преследуют... (единую — <MI>М.С.<M>) политическую цель посредством взаимосвязанного плана».^{<1>} Он включал в понятие стратегии «все возможности, которые вытекают из того, что

государства могут использовать военную силу», но также «их экономические, социальные и психологические возможности».^{<2} Г.Шмидт считал стратегию не военной, а внешнеполитической категорией. Поэтому «она является делом... не генералов, а правительств».^{<3}

В трудах Шмидта содержалось глубокое понимание того, что колоссальная концентрация военной мощи в Европе способна была сочетаться с наименьшей возможностью ее прямого использования для войны, что еще больше возрастали политические функции военной силы и одновременно сужались границы ее чисто военного применения. Социал-демократический деятель отмечал, что «современная стратегия превратилась в искусство избежать войну».^{<4} Он довольно четко высказался против того, чтобы военный уровень стратегии доминировал над военно-политическим.

Г.Шмидт выступал за политическое, экономическое и военное равновесие. Исходя из настоящей посылки, он формулировал основополагающий принцип политики безопасности федерального правительства: равновесие и обеспечение мира.^{<5}

Точка зрения Г.Шмидта на роль ФРГ в реализации данного принципа была изложена в его книгах «Оборона или возмездие. Немецкий вклад в стратегические проблемы НАТО» (1961) и «Стратегия равновесия. Немецкая политика мира и великие державы» (1969). Социал-демократический деятель прежде всего обратил внимание на использование ФРГ такого фактора как ее военный потенциал. Г.Шмидт подчеркивал: «Военное равновесие в Европе остается... *conditio sine qua* поп для политической стабильности нашей безопасности.

Это означает, что мы не должны пренебрегать нашим собственным вкладом в общее дело утрашения и оборонь».^{<6}

Закономерно возникает вопрос: «Кто же такой Г.Шмидт: атлантист или европеист?» Здесь мы подходим к весьма непростому вопросу. Деление политиков ФРГ на европеистов и атлантистов зачастую бывало условным.

Данного деятеля нельзя назвать ни чистым атлантистом, ни чистым европеистом.

С одной стороны, он четко проводит мысль о европейском единстве: «Если государства Европы не хотят обречь себя на пассивность, Западная Европа должна прийти к политическому

единству».^{<7}

С другой стороны, сообщество свободных стран Старого Света должно было, по расчетм Г.Шмидта, тесно взаимодействовать с Вашингтоном.

Политик-реалист, он видел в приоритете западной ориентации ФРГ важнейшую предпосылку для превращения страны из политического карлика во влиятельное государство. Эта мысль четко прослеживается в следующих строках: «Роль Федеративной Республики, ее политический вес... зависит от эффективности нашего сотрудничества в системе стратегического равновесия Запада».^{<8} Существенным элементом концепции безопасности Г.Шмидта является признание неизбежности политики разрядки, проводимой с возможным учетом интересов «социалистических» стран.

Г.Шмидт — один из основоположников и строителей «новой восточной политики» СДПГ. Более того, некоторые важнейшие положения этой политики, такие как необходимость государственного признания ГДР и отказ от пересмотра послевоенных границ на длительный исторический срок, он сформулировал раньше, чем многие другие лидеры СДПГ. Восточнополитическая концепция Г.Шмидта органически связана с пентологией принципов безопасности, сформулированных им в книге «Стратегия равновесия» (1969 г.). Основой философии безопасности Г.Шмидта является равновесие стратегических сил. Этот деятель придавал большее значение военным средствам обеспечения безопасности ФРГ, чем многие другие лидеры СДПГ. Данное обстоятельство следует иметь в виду при анализе определений восточной политики, содержащихся в трудах этого деятеля. Протицируем одно из этих определений, данное в 1973 году:

«Германская восточная политика — это не изолированная авантюра, но часть большой стратегии западного общества, заключавшейся в том, чтобы проводить политику разрядки в отношениях с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой одновременно с сохранением безопасности».^{<9} Через год Г.Шмидт стал федеральным канцлером ФРГ. Поэтому целесообразно проследить общее направление эволюции установок СДПГ, сравнив правительственное заявление Брандта от 18 января 1973 года и заявление Шмидта от 17 мая 1974 года.^{<10}

Почему именно два этих заявления? Первое было сделано

В.Брандтом после парламентских выборов 1972 года и по существу представляло собой программу действий на период новой легислатуры.

Со второго начался отсчет канцлерства Г.Шмидта. На первый взгляд, заявление Г.Шмидта не вносило ничего нового, ибо новый федеральный канцлер обращал внимание на то, что заявление правительства Брандта—Шееля от 18 января 1973 г. «останется в силе на весь срок полномочий нынешнего состава парламента».

Однако при тщательном сравнении части формулировок можно было обнаружить изменения во внешнеполитической концепции федерального правительства.

Кабинет В.Брандта—В.Шееля считал мир в Европе «основным элементом наших (германских — <MI>M.C.<M>) интересов». О стремлении к миру говорилось и в заявлении Г.Шмидта. Вместе с тем новый глава боннского кабинета говорил о диалектическом единстве двух задач: «сохранения мира» и «укрепления безопасности странь». Причем на трактовку второй задачи сильную печать наложила личная позиция Г.Шмидта. В правительственном заявлении от 17 мая 1974 года читаем: «Мы будем активно работать над тем, чтобы сохранить необходимое для мира равновесие сил».

Преемник В.Брандта намекал, что он будет придавать большее значение военно-политическому аспекту западного направления боннского курса. В заявлении кабинета Г.Шмидта—Г.Д.Геншера прослеживалось и некоторое ослабление европейского аспекта в политике безопасности ФРГ.

Заметим, что общий знаменатель сравниваемых заявлений четко прослеживался в превалировании атлантического вектора в ориентации Бонна. Вместе с тем, в отличие от подхода правительства В.Брандта—В.Шееля, новый кабинет меньше заострял внимание на специфике отношения ФРГ к военной и военно-политической стратегии НАТО, на те факторы, которые предопределяют наличие расхождений между США и Западной Европой в данной области. В заявлении Г.Шмидта читаем: «Атлантический союз остается элементарной основой нашей безопасности, определяет необходимые политические рамки наших усилий в интересах разрядки напряженности во всем мире».

Конечно, у автора найдутся оппоненты, которые упрекнут его в передергивании. Они обязательно скажут о том, что Г.Шмидт был одним из тех политиков, которые стояли у истоков Еврогруппы НАТО и не ставили под сомнение боннские намерения в отношении этой

структуры. Оппоненты напомнят автору о личной дружбе Г.Шмидта с французским президентом В.Жискар д'Эстеном, об их плодотворных усилиях на предмет создания европейской валютной змеи, о взаимопонимании двух лидеров на предмет военно-политического, экономического единства Западной Европы.

Наконец, можно поставить резонный вопрос: «Неужели в одночасье у Шмидта родилась высказанная им незадолго до отставки идея установления прочного военно-политического союза между ФРГ и Францией?»

Ответ на возможные критические замечания представляется таким.

Во-первых, есть концепции и есть реалии.

Во-вторых, надо иметь в виду относительную самостоятельность политики безопасности.

Насколько оказались правы новые лидеры ФРГ, внося коррективы во внешнеполитическую концепцию федерального правительства?

С середины 70-х годов в странах так называемого социалистического лагеря стали нарастать кризисные явления в экономике, заметно снижалось доверие властям. Для того, чтобы сбить волну растущего скрытого недовольства, Кремль, поддержанный его марионетками в этом лагере, вновь начал обращаться к рецептам из эпохи холодной войны. Вместо того, чтобы пойти на столь необходимые в данный период реформы в своих странах, правящая коммунистическая номенклатура явно увлеклась особо спекулятивным изображением внешней политики Вашингтона и его союзников как агрессивной. Тем самым создавалось мощное пропагандистское обеспечение для значительно возросших амбиций советских ястребов.

Академик Г.А.Арбатов свидетельствует, что именно тогда четко выразилась следующая тенденция: «...преувеличение роли военного фактора в политике (СССР — <MI>М.С.<M>), приведшее к становлению и укреплению весьма влиятельного военно-промышленного комплекса, контроль над которым, по существу, был утрачен».^{<11}

Следующие строки из воспоминаний академика убедительно разоблачают домыслы кремлевской пропаганды тех лет о заинтересованности Москвы в реальном разоружении:

«Брежнев, судя по всему, с самого начала видел в военных очень важную основу своей власти. И уже поэтому старался давать им все,

что они просили. Под стать Брежневу вел себя Устинов (министр обороны СССР с 1976 года -<МІ>М.С.<М>), при котором военные дела вышли из-под политического контроля. Брежнев ни в чем ему не отказывал, а остальные (в том числе Громыко и, мне кажется, Андропов) опасались, боялись вмешиваться, портить отношения с военными. Немалую роль сыграло и то, что некоторое время Брежнев был секретарем ЦК, отвечающим за оборонную промышленность, и попал под очень сильное влияние руководителей военной индустрии». ¹²

Рост антиразрядочных тенденций в курсе Кремля как никогда ставил вопрос о необходимости усиления единства и сплочения западного мира. Не случайно в концепции безопасности правящих кругов Франции возрос удельный вес атлантического аспекта. Москва не только не хотела выходить за рамки Заключительного акта Общеευропейского Сопевщания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе (СБСЕ), но и своей практической политикой подрывала заложенные в нем принципы. По вине СССР Хельсинский процесс по-настоящему не работал до горбачевской перестройки. Все форумы в рамках данного процесса не давали серьезных результатов. Разумеется, укрепляя испытанную, прошедшую проверку временем натовскую структуру, страны свободного мира вполне обоснованно не видели в СБСЕ достойную альтернативу НАТО.

Реальная практика международных отношений во многом оправдывала скепсис, продемонстрированный блоком ХДС/ХСС после подписания федеральным правительством Хельсинкского акта.

Лидеры блока недвусмысленно давали понять, что если бы они находились у власти, то глава боннского кабинета не скрепил бы своей подписью данный документ. Неверие ХДС/ХСС в жизнеспособность Заключительного акта присутствовало и после того, как демохристиане стали официально поддерживать процесс СБСЕ.

Своими действиями Кремль не укреплял, а ослаблял позиции социал-демократов. Последние, несомненно, заработали бы большой политический капитал, если бы Москва поднялась выше уровня системы восточных договоров.

Особенно трудно СДПГ стало набирать дополнительные очки после того, как в Программе принципов ХДС, принятой в 1978 году, четко обозначился поворот партии в отношении данных договоров. Известно, что в начале эры Брандта она отрицательно отнеслась к проектируемому Бонном восточным договорам. При ратификации

договоров ФРГ с СССР и ГДР блок ХДС/ХСС воздержался. Договор об основах отношений с ГДР, известный договор с ЧССР расценивались демохристианами как далеко идущая ошибка правительства В.Брандта—В.Шееля. Новый акцент в подходе демохристиан ясно прослеживался в сто тридцать третьем пункте Программы принципов: «Все договоры Федеративной Республики Германия с иностранными государствами и с ГДР носят обязательный характер».^{<13} Этот поворот в партийной позиции прежде всего мог записать в свой актив председатель ХДС Г.Коль. Еще в 1973 году этот влиятельный политик высказал следующую мысль: «Заключенные в правовом порядке договоры связывают и нас (ХДС — <МІ>М.С. <М>), так как мы конституционная партия».^{<14}

Незаинтересованность Востока в продолжении, а тем более углублении разрядочных процессов предопределила увеличение дистанции между ним и Бонном. Вашингтон мог быть в большей мере удовлетворен политикой кабинета Г.Шмидта—Г.Д.Геншера, чем его предшественников. Правда, если с администрацией Д.Форда Г.Шмидту было легко находить общий язык в отношении к военно-стратегическим проблемам, то с командой Д.Картера у федерального канцлера было немало расхождений, особенно усилившихся после истории с нейтронной бомбой.^{<15}

В Белом Доме по достоинству оценивали успешный ход военного строительства в ФРГ.

В результате реализации ключевых положений военной реформы, разработанной еще правительством В.Брандта—В.Шееля, существенно повысились ударная мощь и боеспособность бундсвера.

Российский военный специалист Н.К.Глазунов выделяет следующие итоги выполнения данной реформы:

- 1) были подвергнуты структурным и качественным изменениям сухопутные войска;
- 2) более совершенной стала их командная структура;
- 3) были достигнуты серьезные успехи в плане стандартизации, унификации и универсализации основных образцов тяжелого оружия и боевой техники;
- 4) значительная часть авиаэскадрилий была переоснащена новой боевой техникой;
- 5) были введены в строй новые корабли, имеющие современное вооружение и оборудование.^{<16}

Бонн и Вашингтон продемонстрировали четкое взаимопонимание в ходе разработки долгосрочной военной программы НАТО, рассчитанной на период до 1994 года. Эта беспрецедентная по своим масштабам программа была одобрена Вашингтонской (1978 г.) сессией Совета НАТО. Государства — члены альянса согласились на существенное увеличение военных расходов, которое в среднем должно было составить на период с 1979 по 1984 г. 3 % ежегодно в реальном выражении (т.е. с учетом инфляции).^{<17}

Согласно долгосрочной военной программе НАТО, ФРГ обязывалась затратить до конца 1980-х годов на приобретения вооружения 100 млрд. марок. Из 300 рекомендаций долгосрочной программы НАТО 186 затрагивали бундесвер.^{<18} Заказанная боевая техника поставлялась преимущественно военной промышленностью ФРГ (частично в кооперации с военной промышленностью других государств НАТО).^{<19} В нижеследующей таблице приводятся наиболее важные проекты программы вооружения бундесвера в 1979 году.^{<20}

	Число	Стоимость (в млрд. марок)
Самолеты и вертолеты.....	1037.....	31,4
Системы ПВО.....	216.....	1,5
Военно-морские корабли (класса «Фрегат»).....	6.....	2,2
Танки, оснащенные средствами ПВО.....	2372.....	11,6
Системы противотанко- вой обороны.....	более 3000.....	1,5
Гаубицы и ракетометы.....		2,8
Автомшины (на колес- ном ходу).....	11000.....	7,0
Боеприпасы.....		6,0
Оборудование обеспечения связи, командной деятельности.....		9,4

Важным рубежом в военном развитии ФРГ явилось подписание правительственного соглашения между ФРГ и США от 16 апреля 1982 года. В соответствии с этим соглашением Соединенным Штатам

предоставлялось право «в случае кризисной обстановки или войны» увеличить более чем в два раза контингент своих наземных и военно-воздушных сил на западногерманской территории.

Оговаривались условия переброски в ФРГ в кратчайший срок шести новых американских бронетанковых и моторизованных дивизий, а также подразделений воздушно-десантных войск. В свою очередь ФРГ обязалась подготовить 93 тысячи резервистов западногерманского бундесвера, которые будут обеспечивать прикрытие мест сосредоточения американского оружия, транспортные перевозки, включая подвоз боеприпасов, обслуживание американских наземных войск. Предполагалось, что уже в 1983 году на осуществление этой новой программы будет выделено 50 млн. марок.²¹

По образному выражению газеты «Штутгартер цайтунг», ФРГ в известном смысле выступала в качестве помощника гаранта международной стабильности США. С этим нельзя не согласиться, учитывая, что Соединенные Штаты в кризисных ситуациях уже не раз использовали Европу в качестве перевалочной базы для своих «сил быстрого развертывания» в целях оказания давления на реакционные режимы Ближнего и Среднего Востока. Фактически Федеративная Республика предоставляла свою территорию для осуществления миротворческих планов США на Ближнем и Среднем Востоке и других районах мира.

В соответствии со своим военным и экономическим потенциалом ФРГ выдвинула летом 1980 года в Анкаре требование о последовательном осуществлении в пределах союза принципа разделения труда в НАТО. Придерживаясь этого принципа, бундесвер взял на себя целый ряд конкретных обязательств и принял соответствующие меры по их реализации. Особенно следует выделить нижеследующие меры:

- 1) обеспечение полной готовности крупных вооруженных сил, чему служила и новая концепция резервистов в Центральной Европе, чтобы обеспечить концентрацию войск США в других регионах после вывода специальных американских военных подразделений из Европы;

- 2) расширение оперативной зоны натовских морских сил в Европе и Северном море, к северу от 16 параллели, чтобы обеспечить возможность переброски американских войск в Персидский залив и Индийский океан. Одновременно с этим, 3 июля 1980 года

Западноевропейский союз принял решение о строительстве в ФРГ военных кораблей крупного тоннажа, в том числе и атомных кораблей и атомных подводных лодок;

3) Федеративная Республика Германия усилила свою военную и финансовую поддержку государствам на северном и южном — Турции, Греции и Португалии — крыле НАТО;

4) повышение способности и готовности Федеративной Республики Германия осуществлять военную активность вне Европы.

К этому можно добавить и западногерманский экспорт оружия в Азию, Африку и Латинскую Америку, который только в 1978 году составил свыше 1 млрд. марок, в то время как больше десяти стран также получали ее помощь в другом виде.

Однако в то же время наблюдалась и тенденция Западной Германии придавать военной стратегии западного союза, в целом, более европейский характер, чтобы бундесвер занимал как можно более влиятельные позиции.^{<22}

И в первый, и во второй периоды правления социал-либеральной коалиции боннские стратеги много работали над тем, чтобы между ФРГ и США сформировались отношения взаимозависимости. Нельзя однозначно сказать, была ли полностью достигнута эта цель. Но ясно одно: к концу канцлерства Г.Шмидта можно было констатировать существенное продвижение в данном направлении по сравнению с той ситуацией, которая существовала до старта социал-либеральной коалиции.

В период существования кабинета Г.Шмидта—Г.Д.Геншера деятельность Западноевропейского союза ограничилась исключительно вышеназванным решением.

По-прежнему оставались на бумаге положения Елисейского Договора, посвященные сотрудничеству между ФРГ и Францией в вопросах безопасности. Правда, по настоянию Г.Шмидта Париж серьезно поработал над тем, чтобы французский воинский контингент, размещенный в ФРГ, соответствовал современным требованиям.^{<23}

Не удовлетворяла по-настоящему боннских европейцев деятельность Еврогруппы НАТО. Все же отметим, что в конце 70-х годов уже около 10 % общего объема вооружений западноевропейских государств разрабатывалось и производилось в рамках совместных программ.^{<24}

Заметим, что уровень военного производства в ФРГ был таков,

что немецкие предприниматели могли весьма эффективно участвовать в реализации данных программ. Если в конце 1960-х годов военная промышленность ФРГ покрывала лишь 40 % потребностей бундесвера в вооружениях, то уже в середине 1970-х годов она была способна поставить 80 % необходимых для бундесвера вооружений.^{<25}

В силу роста антиразрядочных тенденций в курсе Кремля, опасной линии Москвы на усиление военно-политической напряженности в Европе кабинет Шмидта—Геншера трактовал концепцию передовой обороны с более жестких позиций, чем правительство Брандта—Шееля.

Москва была прежде всего повинна за европеизацию ядерного риска, связанную с начавшимся в конце 70-х годов ракетным кризисом. В условиях вступления советской военной угрозы в новое, намного более опасное качество первые лица в Бонне оказались перед сложнейшей дилеммой.

С одной стороны, в силу своего геостратегического положения, некоторых иных причин ФРГ в большей степени, чем США была заинтересована в том, чтобы сохранить с таким трудом созданное хрупкое здание разрядки. С другой стороны, Бонн не мог игнорировать свои обязательства в рамках Атлантического альянса.

Заметим, что в условиях резкого обострения международной обстановки федеральное правительство заняло в отличие от США более гибкую позицию по отношению к Кремлю. Кабинет Шмидта—Геншера не прекращал диалог с СССР даже тогда, когда Белый дом вводил карантин на подобного рода контакты.

Европеизация ядерного риска резко активизировала интерес среди значительной части населения ФРГ к военно-стратегическим проблемам. Эти проблемы стали предметом обострения внутривнутриполитической борьбы в стране. Вопрос об укреплении американских ядерных гарантий по отношению к ФРГ, Западной Европе в целом порождал немало споров и разногласий между Бонном и Вашингтоном.

Впервые в истории социал-либеральной коалиции стала заметно сужаться социальная и внутривнутриполитическая база реалистической политики безопасности, возникали трудности, связанные с выдерживанием общности политики безопасности парламентских партий.

Так называемое антивоенное движение приобрело самый большой размах в истории ФРГ. Кстати, есть смысл сделать важное

отступление. Проницательный читатель не может не задать вопрос: «Почему автор говорит о так называемом антивоенном движении?» Ни одно из правительств этой страны, ни одна из парламентских политических партий никогда не выступали за военное решение международных проблем. Всех их по праву можно считать участниками антивоенного движения. Те группы, которые доперестроечная советская историография относила к антивоенному движению, как правило, выступали против политики безопасности федеральных правительств, причем с преимущественно иррациональных позиций. Получался терминологический абсурд: эти группы — против войны, а федеральные правительства, выходит, за войну.

Более точное определение представляется таким: движение, которое выступает с альтернативных по отношению к курсу боннского кабинета позиций в области политики безопасности, в которых иррациональное берет верх над рациональным.

Заметим, что среди данных групп были и те, которые являлись формой массовой работы Германской компартии, например, Немецкий союз мира. Такого рода группы слепо поддерживали Москву, полностью закрывали глаза на ее военные авантюры. Строго говоря, они выполняли роль пятой колонны Кремля, который не раз бряцал оружием, неоднократно вел агрессивные войны.

Конечно, большинство групп, которые относились советскими исследователями к антивоенному движению, нельзя однозначно оценивать как просоветские. Многие из них решительно отвергали коммунистическую идеологию, не раз склонялись к тезису о равной ответственности Москвы и Вашингтона за обострение международной напряженности. Например, типичный для большинства представителей данного движения антикоммунизм четко прослеживался во взглядах члена ХСС, подполковника А.Мехтесхаймера.

Серьезное беспокойство для правящих кругов ФРГ несли следующие факты: массовый сбор подписей под Крефельдским воззванием, участие граждан ФРГ в крупных «антивоенных» манифестациях, проходивших 10 октября 1981 года и 10 июня 1982 года. О силе «антивоенного» движения в стране свидетельствовал и быстрый рост влияния партии «зеленых». Представляя так называемую радикально-демократическую оппозицию правительству ФРГ, возглавляемому социал-демократами, эта партия выступала за выход страны из НАТО, демонтаж натовской доктрины «гибкого

реагирования», перестройку вооруженных сил и вооружений ФРГ на выгодной прежде всего ОВД основе, за одностороннее разоружение.

На рубеже 1970-х — начала 1980-х годов происходит активизация внутрипартийной оппозиции в СДПГ. Центральное место в концепциях ее представителей занимала критика доктрины «устрашения». Эта группа социал-демократов была вооружена аргументацией, почерпнутой из трудов западногерманских и зарубежных исследователей проблем безопасности.

Вначале обратимся к работам умеренных и умеренно левых социал-демократов.

Серьезные критические замечания в отношении действующей доктрины НАТО содержались в трудах члена президиума правления СДПГ, эксперта СДПГ по вопросам разоружения Э.Бара.

Э.Бар видел суть натовской доктрины гибкого реагирования в следующем: «Русские, прибегнув к обычному оружию, в котором они имеют превосходство, начнут войну. Запад же ответит нанесением ядерного удара по выборочным целям. Такой обмен ядерными ударами может произойти только в Европе». Э.Бар, однако, полагал, что при таком развитии событий вероятность ограничить войну крайне мала или равна нулю. Но даже если принять подобное решение, уже будет все равно, ибо она вообще перестанет существовать, хотя великие державы, возможно, уцелеют.^{<26}

Отсюда Э.Бар делал два вывода:

1) интересы Европы отличаются от интересов обеих сверхдержав (СССР и США — «М.С. <М>»); у нее есть одно средство избежать катастрофы — не допустить конфликта, даже ограниченного обманным вооружением;

2) Европа и ФРГ должна быть против всего, что содержит в себе вероятность катастрофы, возможность ограниченной ядерной войны. Следовательно, необходимо выступить против миниатюризации вооружений, против новых систем оружия, которые могут вести в соблазн поверить, что риск уничтожения можно ограничить.^{<27}

Этот деятель сохранял кредит доверия к советской военной политике. Он писал: «Я не думаю, что Советский Союз ответил бы ядерным оружием на обычные средства... Преодоление ядерного порога — это решение, которое следует взвесить десять раз...».^{<28} Бар был уверен в следующем: «Советский Союз... не намеревается оккупировать Гамбург или захватывать Федеративную

Республику».^{<29}

Видный деятель СДПГ отмечал, что устрашение содержит наряду с таким элементом, как взаимная безопасность и обычную попытку достичь преимущество по отношению к возможному противнику. Э.Бар отмечал переходный характер идеи устрашения. Он видел уязвимость этой идеи в том, что она стремится связать предотвращение войны с ведением войны, в случае если невозможно будет предотвратить войну.^{<30}

Э.Бар писал: «В век взаимно гарантированного уничтожения безопасность можно обеспечить не за счет потенциального противника, а только с ним».^{<31} Идеалом Э.Бара является доктрина взаимной безопасности. Так как противника невозможно больше победить благодаря применению силы, эксперт СДПГ считал, что в нем нужно было видеть партнера. Э.Бар показывал, что дальнейшее вооружение не принесет ни одной из сторон тех преимуществ, которые позволили бы сделать риск войны выносимым.

Видный деятель СДПГ отмечал, что замена доктрины устрашения доктриной взаимной безопасности приведет к возникновению взаимного интереса Запада и Востока в том, чтобы больше не вводились новые системы вооружений.

Э.Бар считал, что формирование системы взаимной безопасности должно пройти две ступени. На первой ступени должен быть достигнут качественный и количественный мораторий. На второй ступени открылась бы перспектива подлинного разоружения.

Эксперт СДПГ полагал, что именно «на основе взаимной безопасности возможны соглашения о взаимном поведении в других регионах планеты с тем, чтобы... различные идеологии и их влияние не угрожали международному миру». По его мнению, совместная безопасность позволит создать финансовые и материальные средства, необходимые для решения проблем преодоления отсталости освободившихся стран, ликвидации и поддержания экологического равновесия.

Видный деятель СДПГ выражал беспокойство в связи с тогдашним состоянием отношений между СССР и США. Э.Бар писал: «Взаимная безопасность есть также растущая озабоченность Европы тем, что оба союза (НАТО и ОВД -<MI>М.С.<M>), предоставляют, правда, защиту один от другого, но безусловно от растущего соперничества между Америкой и Советским Союзом...».^{<32}

Оппозиционность по отношению к властям в подходе к анализируемой проблематике содержалась также в трудах умеренно левого теоретика СДПГ К.Фойгта. Он полагал, что если политическая цель доктрины устрашения, как она формулируется ее апологетами, состоит в «сдерживании» нападения противной стороны, то даже с логической точки зрения самоубийственный характер угрожаемых ответных мер делает нелогичным расчет на то, что «противник» поверит в их серьезность. В результате возникает порочный круг, разорвать который, заключает К.Фойгт, можно только на основе политического подхода. «Поскольку растущее значение качественных характеристик нового оружия все более затрудняют проверку и достижение соглашений, тем больший вес приобретают меры политического доверия между Востоком и Западом...».³³

Он пытался решить вопрос о критериях достаточности западного «устрашения». К.Фойгт внес предложение о том, чтобы в ходе обороннополитической дискуссии в ФРГ «заменить формальные и механические масштабы при сравнении вооружений и армий сопоставлением способностей к военным действиям».³⁴

Эксперт СДПГ по вопросам разоружения понимал под военным равновесием «одинаковую способность для того, чтобы противостоять военной угрозе или военному нападению достаточными средствами». По его мнению, «вопрос о том, какими средствами достигается эта способность здесь менее важен, чем сама способность».³⁵

К.Фойгт считал, что «угрожающее военной стабильности в Европе неравновесие существовало бы тогда, если бы оборонительная задача НАТО в Европе больше не могла быть выполнимой и, что касается военных сил, не могла больше рассматриваться как достаточно покрытая».³⁶ Он утверждал, что оборонительную функцию НАТО в Европе вполне можно выполнить.

Этот социал-демократический деятель обращался в своих трудах и к равновесию на стратегическом уровне. Он писал: «Неравновесие на стратегическом уровне существовало бы лишь тогда, когда одна сторона могла бы лишить противника возможности нанесения удара возмездия — будь то посредством первого удара, который одновременно уничтожает все ядерные системы в воздухе, на земле и под водой, будь то изматыванием экономики».³⁷ К.Фойгт констатировал, что все это до сих пор не было возможно. Он подчеркивал, что ныне превосходство одной из сторон в той или иной

категории стратегических вооружений не позволит ей путем включения этого класса вооружений в ходе ведения войны достичь односторонних выгод, застраховать себя от невыносимого некалькулируемого риска.

Дистанцируясь от официального правительственного курса, он считал несостоятельным убеждение в том, что в ходе боевых действий будет существовать некая свобода маневра, заключающаяся в «своевременном» прекращении войны.

Из настоящей полезной констатации эксперта СДПГ закономерно вытекал вывод о невозможности полного гарантирования ограничения ядерной войны региональными рамками. К.Фойгт писал, что если бы было наоборот, то «с развитием селективных и регионально ограниченных потенциалов ядерных вооружений можно было бы полностью нейтрализовать устрашающий эффект стратегических ядерных вооружений».³⁸

Продолжая логику рассуждений, деятель СДПГ предложил конкретные меры по ограничению и сокращению ядерных вооружений в Европе. Вслед за умеренно-реформистскими идеологами он обосновывал следующий тезис: «...обе сверхдержавы применят — несмотря на риск глобальной конфронтации -военную силу, если они имеют превосходство в этом риске». К.Фойгт понимал под обеими сверхдержавами СССР и США.

Исходя из этой посылки, К.Фойгт поддерживал тезис западных военных стратегов о необходимости развития «достаточно сильных и достаточно гибких селективных региональных потенциалов устрашения». Автор выдвигал три критерия, которым должны удовлетворять эти потенциалы:

«Они должны быть настолько сильными, чтобы доверительно нейтрализовать регионально ограниченную угрозу.

Они должны быть одновременно настолько слабыми, чтобы не было подозрений в их способности выходить за региональные рамки.

Они должны остаться под контролем США, с тем, чтобы... подчеркивалась... связь с глобальным стратегическим потенциалом».³⁹

Необходимость внесения существенных корректив в натовскую стратегию устрашения попытка доказать в своих трудах бывший генерал бундесвера Х.Краузе, в 1971—1973 годах занимавший пост руководителя группы планирования в штабе вооруженных сил федерального министерства обороны. В 1981 году он опубликовал специальное исследование, подготовленное для научно-

---

исследовательского политического института «Фридрих Эберт», близкого к СДПГ и посвященное соотношению военных сил в Европе.

Х.Краузе исходил из того, что «сравнения военных сил — негарантированные и неточные методы для того, чтобы точно предсказать превосходство или отставание»^{<40>} Социал-демократический эксперт предлагал глубже исследовать баланс, ориентированный на выполнение военной задачи. По отношению к равновесию с точки зрения военных сил этот метод несет, по его мнению, следующие преимущества.

Во-первых, равновесие с точки зрения военных задач можно определить, так как силы можно соотнести с константными географическими величинами и приблизительно определенным числом целей.

Во-вторых, это равновесие — результат собственных решений и не зависит от поведения любой стороны в военных приготовлениях.

В-третьих, сознание того, что собственная оборона обеспечена, создает уверенность в своих силах и уменьшает страх быть отстающим, который симптоматичен при сравнении военных сил.^{<41>}

В основе концепции Х.Краузе лежала попытка доказать тезис о том, что равновесие с точки зрения военных задач существует. Он выяснил прежде всего, возможно ли нападение ОВД на ее противников. Краузе указывал, что на Западе рассматривали четыре случая, при которых могло произойти нападение Варшавского Договора на Европу:^{<42>} война с помощью ядерных и обычных вооружений, ограниченная территорией Европы; крупномасштабное нападение исключительно обычными средствами ведения войны, ограниченное территорией Европы; внезапная атака, предпринятая в Центральной Европе ограниченными силами с целью достижения ограниченных целей; нанесение разоружающего ядерного удара против НАТО ракетами средней дальности СС-20.

Военный эксперт СДПГ отмечал, что при допущении о двух действиях с применением ядерного оружия (комбинированном ядерном и обычном нападении и разоружающем ударе) оказывалось, что против них нет прямой защиты даже в случае предупреждающего удара. «В обоих случаях единственным ответом может быть возмездие, причем вариант возмездия выполняет в то же самое время роль сдерживающего средства».^{<43>}

Х.Краузе стремился доказать, что любое внезапное нападение с

ограниченными средствами и целями не может ничего решить ни в военном, ни в политическом смысле. «Оно может всего лишь приоткрыть завесу над подготовкой крупной военной акции и перерасти в такую акцию. Следовательно, ответом на это будет вариант обороны против крупной агрессии обычными средствами, требующий, однако, особых предостережений».⁴⁴ Надо сказать, что Х.Краузе сомневался в возможности внезапного нападения со стороны СССР. Он отмечал, что возможность внезапности ограничена тем, что Советский Союз при любом нападении на Европу должен ожидать со стороны НАТО расширения войны. Поэтому он вынужден был бы вернуть назад военные корабли со всего мира и создать необходимый жизненный запас. Военный эксперт отмечал, что эти меры невозможно скрыть от Запада.

Анализ наступательных вариантов Варшавского Договора привел Х.Краузе к следующему выводу: 2 ответа, к которым должна быть готова НАТО, включали оборону против крупномасштабного обычного варианта и возмездие в случае ядерного нападения.

Касаюсь оборонительных вариантов НАТО, военный эксперт отмечал, что оборона НАТО в Центральной Европе в большей степени определялась географическими пределами этой зоны, на севере Балтикой, а на юге — Альпами и тем, что несколько крупных рек текли перпендикулярно к оси атаки и поэтому затрудняли передвижения с Востока на Запад, а именно: Висла, Одер, Эльба. По мнению Х. Краузе, около $\frac{1}{3}$ дивизий, необходимых для крупномасштабного нападения Варшавского Договора, не было размещено в Центральной Европе, но должно было быть переброшено с расстояния более 600 км с европейской части Советского Союза. Бывший бригадный генерал бундесвера считал, что чтобы это сделать, существовала всего лишь широко разветвленная транспортная система, которая не отвечала всем требованиям быстрого военного накопления сил.

Далее он отправлялся от основной идеи оборонительных концепций НАТО в Европе. Суть этой идеи была в следующем. Между Балтийским морем и Альпами будет обороняться единый фронт с размещенными за ним мобильными резервами. Как только противник перейдет в нападение против этого фронта, НАТО использует свое оружие дальнего радиуса действия для нанесения ударов в глубоком тылу на Востоке, парализуя линии транспорта и связи, отрезая нападающую сторону от базисных сил и делая невозможным для нее подтягивание поставок и подкрепления.

Х.Краузе вначале делал выводы, ограничившись событиями в Центральной Европе. Он писал: «Двойной эффект фронтальной обороны и предотвращающих операций в глубине не позволяют нападающей стороне полностью применить свои силы и проявить свое превосходство. Обороняющаяся сторона в свою очередь может значительно повысить боевой уровень своих сил концентрацией оборонительной огневой мощи, противотанковыми заграждениями и обеспечением укрытий против огня противника в подготовленных укреплениях и позициях. Более того, в географическом смысле она действует внутри своего базиса и не может быть от него отрезана».⁴⁵

Военный эксперт этим не ограничивался. Он считал, что события в Центральной Европе нельзя рассматривать в изоляции от положения военного времени. Х.Краузе показывал, что союз НАТО мог перехватить инициативу, не ожидая исхода оборонительных битв в Европе. «С помощью морской блокады вражеских портов, захватом советских торговых и рыболовных судов и конфискацией товаров, предназначенных для СССР, необходимых для его военных действий, можно, например, перерезать пути снабжения противника». Военный эксперт не исключал дальнейшей драматизации ситуации с учетом китайского фактора. Х.Краузе представлял себе следующую гипотетическую ситуацию: во время подготовки СССР к нападению возникает острая опасность войны с Китаем. Он делал следующий вывод: Советский Союз не смог бы развернуть крупное наступление против Европы, проводя одновременно оборонительную войну против Китая.

Относительно вариантов возмездия НАТО Х.Краузе отмечал, что единственной возможностью защиты от ядерного нападения Советского Союза являлось его предотвращение с помощью сдерживания. Он показывал, что сдерживание можно рассматривать только в мировых масштабах. По мнению военного эксперта, оно основано в первую очередь на стратегических возможностях второго удара США, то есть возможностях ответить в любых и даже самых неблагоприятных обстоятельствах на любое ядерное нападение со стороны СССР уничтожающим ответным ядерным ударом. «Степень выживаемости, необходимая для этого, обеспечивается прежде всего подводными лодками, снабженными ядерными ракетами. Часть этих возможностей второго удара США в виде подводных лодок приписана к САКЕУР».

Таким образом, Х.Краузе пытался доказать, что оборонительные

задачи НАТО в Центральной Европе могут быть выполненными в некоторых пределах даже независимо от соотношения сил, если НАТО удастся оторвать нападающую сторону от ее поставок и резервов по крупным европейским рекам (Висла, Одер, Эльба). После этого оставался открытым следующий вопрос: можно ли в количественном отношении определить необходимые силы с достаточной точностью. Военный эксперт отмечал, что некоторые простые и надежные величины, которые можно измерить, доступны для расчетов. Одна из них - географическая длина фронта и ширина фронта, которая в Центральной Европе ограничена природными условиями. Другая — количество целей, которые необходимо уничтожить, чтобы парализовать транспортные возможности нападающей стороны в Центральной Европе. Наиболее важный критерий для определения необходимого количества сил для оборонительных операций — это возможность покрыть всю ширину фронта огнем собственного оружия. Эту величину можно подсчитать. Другой критерий предполагал, что обороняющаяся сторона должна иметь около $\frac{1}{3}$ своих сил для выполнения резервных функций. Х.Краузе не стремился противоречить господствовавшему в ФРГ взгляду о том, что для обороны в Центральной Европе достаточно от 25 до 30 дивизий НАТО. Исходя из того, то в распоряжении НАТО находилось около 28,5 боеготовых дивизий и еще несколько могли быть переброшены, он констатировал выполнение этого требования. По мнению военного эксперта, чтобы быть наготове в случае внезапной атаки, необходимое количество полевых сил НАТО должно находиться возле районов размещения, т.е. НАТО не могла основывать свою концепцию в первую очередь на мобилизации или подтягивании подкреплений.

Х.Краузе считал далее возможным приблизительное определение количества систем вооружения, необходимого для противодействия. Он приводил соответствующие подсчеты. Эти подсчеты свидетельствовали о том, что Х.Краузе оказался в плену восточной пропаганды.

Ознакомившись со всеми доступными источниками, проницательный читатель сможет обоснованно оценить истинность итогового вывода военного эксперта СДПГ. По мнению последнего, оборонительные варианты НАТО представлялись осуществимыми, поддающимися оценке и, насколько это касается необходимых сил, достаточно обеспеченными.^{<46}

Если военный баланс уже рассматривать не с точки зрения силы,

а с точки зрения задачи, его, разумеется, нельзя определить с помощью сравнения сил. Х.Краузе считал, что это сравнение должно быть заменено военной оценкой ситуации.

В ходе оборонно-политической дискуссии наиболее радикальные позиции в СДПГ занимали левые социал-демократы. К ним относились следующие объединения:

— Франкфуртский кружок во главе с Э.Эпплером и О.Лафонтемом;

— движение, сгруппировавшееся вокруг Билефельдского воззвания, во главе с Д.Бегеманом и П.Памайером;

— рабочие сообщества в СДПГ («Молодые социалисты», «Женщины в СДПГ», «Юристы в СДПГ»).

Сюда же примыкали отдельные отраслевые профсоюзы. Часть влиятельных левых социал-демократов высказывала сомнения относительно центральной задачи политики безопасности руководства СДПГ — установления равновесия военных сил.

Председатель земельной организации СДПГ Саара О. Лафонтен считал: «Употребляемая 20 лет формула «Мы хотим равновесия на возможно более низком уровне» оказалась непригодной. Под покровом этой формулы ядерные арсеналы выросли до необозримых величин. Эта формула, на которую без усилий можно сослаться, не остановила гонку вооружений. Она раньше внесла вклад в то, чтобы ее форсировать. До сих пор никто не определил, при каком количестве и качестве вооружений формула равновесия потеряла свой смысл.

В связи с числом атомных боеголовок и развитием технологии вооружения формула равновесия потеряла свой смысл. Это бессмысленно в мире, который может быть многократно уничтожен, пускаться в рассуждения о равновесии».^{<47}

Сходные с О.Лафонтемом позиции занимал член президиума правления СДПГ Э.Эпплер. По его мнению, «технократическое мышление о равновесии превратилось в мотор необузданного вооружения».^{<48}

Левые социал-демократы объявляли логику устрашения несостоятельной на том основании, что структура промышленности ФРГ, уязвимость ее энергетических центров, а также высокая плотность населения исключали в случае войны возможность вести оборону с применением оружия массового уничтожения. Типичный для этих сил в СДПГ вывод делал, в частности, О.Лафонтен: «...современная натовская стратегия «гибкого реагирования», которая

предусматривает применение тактических ядерных вооружений, не является политикой безопасности».^{<49}

Считая несостоятельной доктрину «гибкого реагирования», левые социал-демократы выступили за перестройку организационной структуры и вооружений бундесвера на сугубо оборонительной основе в их понимании. Эти идеи получили свое обоснование и развитие в книгах Э.Эпплера «Пути безопасности» и «Смертельная утопия безопасности», а также в книге О.Лафонтена «Страх перед друзьями. Ядерная стратегия сверхдержав подрывает союз».

Близкая к Эпплеру и Лафонтену позиция излагалась в 40 наказах низовых партийных организаций Мюнхенскому съезду СДПГ 1982 года. Они были направлены на изменение бундесвера. В этих наказах содержалось следующее требование: бундесвер должен вместо самолетов, танков и ракет вооружаться «однозначно оборонительными системами, такими, как противотанковые и противоракетные вооружения, вооружения по защите от самолетов». Так, партийная организация Вальдкирха находила, что «в бундесвере не должно быть способности к ведению наступательных операций на территории противника».

Усилия составителей наказов были направлены на то, чтобы реорганизовать бундесвер таким образом, чтобы «противнику было видно, что бундесвер ему не угрожает».^{<50}

Дилетантство, иррационализм, отрыв от реалий в концепциях левых социал-демократов настолько очевидны, что нет необходимости их подробно разбирать.

Вместе с тем концепции левых социал-демократов не были однозначно просоветскими. Так, О.Лафонтен предпочел для своей книги следующее название: «Страх перед друзьями. Ядерная стратегия сверхдержав (СССР и США — <МГ>М.С.<М>) подрывает союз». 1 октября 1982 года начала свою деятельность христианско-либеральная коалиция. В нее вошли блок ХДС/ХСС и партия свободных демократов. Стартовал новый этап политики безопасности ФРГ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Schmidt H. Strategie des Gleichgewichts. Stuttgart, 1981. S.16.

² Ibidem, S.17.

-
- ³ Ibidem.
- ⁴ Ibidem, S.19.
- ⁵ Ibidem, S.286.
- ⁶ Ibidem, S.286.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Schmidt H. Nach den Verträgen. //Die Neue Gesellschaft, 1973, Jg.20, H.4, S.407.
- ¹⁰ //Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung, 1973, 20.Januar, 1974, 19.Mai.
- ¹¹ Арбатов Г.А. Из недавнего прошлого. //Знамя, 1990, №9. С.217.
- ¹² Арбатов Г.А. Из недавнего прошлого. //Знамя, 1990, №9. С.220.
- ¹³ Grundsatzprogramm der Christlich Demokratischen Union Deutschlands: Beschlossen von 26.Bundesparteitag. Lüdwigshafen 23-25.Oktober. 1978. Bonn, o.j.
- ¹⁴ Kohl H. Zwischen Ideologie und Pragmatismus. Aspekte und Ansichten zu Grundfragen der Politik. Stuttgart 1973. S.113.
- ¹⁵ Жискара д'Эстен. Власть и жизнь. М., 1990. С.107.
- ¹⁶ Глазунов Н.К. Бундесвер и НАТО. М., 1979. С.136,137.
- ¹⁷ //NATO Review, 1977, June, No.3, p.25-27.
- ¹⁸ //Marxistische Blätter, 1979, H.2. S.51.
- ¹⁹ См.: Klank Wilfried. Struktur und Entwicklungstendenzen der BRD-Rüstungsindustrie; In: //IPW-Berichte, 1979, #11. S.21.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ //Правда, 1982, 17 апреля.
- ²² Благович Б. Указ.соч.
- ²³ Жискара д'Эстен. Указ.соч. С.101.
- ²⁴ //Мировая экономика и международные отношения, 1978, №1. С.97.
- ²⁵ Knorr L. Bonner Politik gegen Sicherheit und Zusammenarbeit,

Frankfurt a. M., 1976. S.44.

²⁶ Bahr F. Was wird aus den Deutschen? Rowolt Verlag, Reinbeck a. M., 1982. S.162-163.

²⁷ Ibidem, S.229.

²⁸ Ibidem, S.162.

²⁹ Ibidem, S.195.

³⁰ Ibidem, S.229.

³¹ Ibidem, S.230.

³² Ibidem.

³³ //Die neue Gesellschaft, 1979, #2, S.101.

³⁴ Voigt Karsten D. Wege zur Abrüstung, Frankfurt a. Main, 1981. S.58.

³⁵ Ibidem, S.50.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem, S.51.

³⁹ Ibidem, S.52.

⁴⁰ Krause Ch. Militärisches Gleichgewicht. //Die Neue Gesellschaft, 1981, Jg.26, H.7, S.623.

⁴¹ Krause Ch. From Comparison of military to Appraisal of the Security Situation. Bonn, 1981, p.23.

⁴² Weissbuch 1975/76, S.32.

⁴³ Krause Ch. From comparison of military capabilities to appraisal of the security situation, p.18.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem, p.20.

⁴⁷ Lafontain O. Über Null-Option, Gleichgewicht und Sicherheitsinteressen. //Blätter für deutsche und internationale Politik, 1981, Jg.26, H.11. S.1325-1326.

⁴⁸ //Köllner Stadt-Anzeiger, 1981, 24.März.

⁴⁹ Lafontain O. Über Null-Option. Gleichgewicht und Sicherheitsinteressen. S.1326.

⁵⁰ //Die Welt, 1982, 15.April.

Научное издание

Стрелец Михаил Васильевич

**ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКИ
БЕЗОПАСНОСТИ ФРГ В ЭРУ Г.ШМИДТА**

*Утверждено к печати Ученым Советом Брестского
политехнического института*

*Издатель Лавров С.Б.
Компьютерный набор Шелестович З.М.
Корректор Орлов И.И.*

Подписано к печати 7.06.97.

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Отпечатано на копировально-множительном оборудовании
издательства Усл.-печ.л. 2,09. Тираж 100 экземпляров.

Издательство С.Лаврова. Изд. лиц. ЛВ №845
224023 г.Брест, ул. Московская, 275, к. 20.